

Появившаяся надежда придала многим семьям бодрости, и вскоре пересуды о Люй Цуйхуа почти прекратились. Узнав об этом, тётушка Цуйхуа особенно растрогалась и снова пошла в лес — на этот раз выкопала целую корзину дикорастущих овощей и принесла Вэнь Жуню.

Она также несколько раз приходила в дом Ванов, готовила им обеды и даже постирала всю одежду... Это было всё, что она могла сделать для молодого учёного.

Вэнь Жунь не мешал ей. Он понимал: эта несчастная женщина таким образом пыталась отблагодарить его за защиту и поддержку.

Скоро должен был наступить день «Лицю» — начало осени. Вэнь Жунь решил дать детям каникулы на время уборки урожая.

Он не мог требовать от них учёбы, пока дома идёт самая напряжённая работа. В это время дети и вовсе считались «полу-взрослыми»: весной и осенью, в периоды посевов и уборки урожая, от них требовалась настоящая помощь.

Крестьянские дети рано становились самостоятельными. Даже если они не могли работать в поле, дома они обязательно занимались хозяйством: готовили еду, убирали, присматривали за младшими — всё, чтобы хоть как-то облегчить родителям труд.

Ляньхуаао был удачно расположен: здесь были и горы, и реки, и рисовые, и сухопутные поля.

Именно рис с водных полей составлял основной источник дохода деревни. Особенно это было важно при уплате налога: власти требовали высококачественное зерно, и рис чаще всего шёл именно на налоги, а остатки — на продажу. Поэтому крестьяне редко ели собственный рис. На сухих полях выращивали пшеницу, просо и другие культуры.

В Ляньхуа-ао преобладали именно рисовые поля — благодаря обилию воды. А ещё здесь водилось множество речной живности: рыба, креветки, крабы...

Перед каникулами дети принесли Вэнь Жуню прощальные подарки: немного речной рыбы, свежих овощей — всё своё, домашнее или выловленное в реке. Денег на это не потратили, но душа была в каждом подарке.

Вэнь Жунь с улыбкой принял всё. А в ответ каждому ребёнку вручил по экземпляру «Саньцзы цзин» («Трёхсложного канона»), который сам написал от руки.

На самом деле, это была просто тетрадка, склеенная им на клейстер из бумаги и перевязанная ниткой — не книга в привычном смысле, а скорее самодельный учебник. Но всё же — «книга»!

Уже на второй день каникул, рано утром, Вэнь Жунь убирался в комнате, временно служившей классом, как пришла тётушка Цуйхуа.

— Дети сейчас в каникулах, — пояснил он, увидев её. — Вернутся только после уборки урожая.

— Я знаю, — тихо ответила Цуйхуа, опустив голову. — Позвольте мне прибраться здесь.

Она прекрасно понимала: только благодаря авторитету молодого учёного ей удалось хоть как-то утвердиться в Ляньхуаао. Поэтому она время от времени приходила сюда — пусть даже просто приготовить детям обед. А теперь хотела помочь Вэнь Жуню — это был её способ выразить благодарность.

— Хорошо, — кивнул Вэнь Жунь. — Вчера принесли столько еды, что мне одному не съесть. Как раз нужна помощь.

Некоторые овощи, скорее всего, стоило бы засолить.

Тётушка Цуйхуа проворно направилась на кухню.

Она взяла все баклажаны и свежий чеснок, что подарили, и засолила целую большую кадку чесночных баклажанов — хватит до следующего урожая чеснока.

Из фасоли приготовила тушеную фасоль с мясом.

Мелкую рыбу подсушила и обжарила, крупную — потушила с тофу...

К обеду Вэнь Жунь пригласил семью Ян, а ужинать они сели вчетвером — он и трое детей.

Они как раз ели, когда маленькая Ван Мэй вдруг выпалила:

— Всё-таки тётушка Цуйхуа готовит вкуснее!

Ван Цзюэ бросил взгляд на Вэнь Жуна:

— Раз есть что есть — ешь.

Вэнь Жунь только рассмеялся:

— Хотите сказать, что гофу готовит невкусно — так и говорите! Я и сам знаю, что мои блюда — не шедевры.

Все трое детишек захихикали:

— Гофу тоже хорошо готовит! Главное — хоть доваривает до конца!

До приезда Вэнь Жуна обеды обычно готовил Ван Цзюэ, но мальчишка просто «отбывался» — в основном всё делала тётушка Ян. Дети же максимум могли разогреть сухой хлеб да остатки еды.

Когда же появился Вэнь Жунь, он хоть и умел довести еду до готовности, вкус был... скажем так, посредственный.

А вот тётушка Цуйхуа — та умела готовить по-настоящему.

И главное — она умела извлечь максимум из любого продукта.

Например, те самые мелкие жареные рыбки, что она приготовила, стали отличной закуской к вину для дяди Яна за обедом.

— Скоро осень, — задумчиво сказал Вэнь Жунь. — Нам тоже пора запастись овощами на зиму.

Из воспоминаний прежнего тела он знал: зимы здесь суровые. Мелкие лужи покрываются льдом, хотя реки не замерзают из-за течения — но вода в них становится ледяной.

К тому же здесь бывают снегопады. Значит, нужно не только запастись овощами, но и дровами.

А Вэнь Жунь ещё решил купить немного угля и древесного угля — это топливо горит дольше и даёт больше тепла, так что зимой будет теплее.

— Раньше старший брат всегда покупал триста цзинь капусты, сто цзинь зелёного лука, двести цзинь редьки и двести цзинь картофеля, — сообщил Ван Цзюэ, как самый старший после брата. — Он мне всё это перед отъездом подробно наказал.

— Понятно, — кивнул Вэнь Жунь. После обеда он взял лист бумаги и кисточкой записал: — Добавим ещё пятьдесят цзинь моркови. У нас много баклажанов — давайте сделаем сушёные овощи: баклажаны, фасоль, редьку... А ещё грибы! Мы сами не умеем их собирать, но можно купить у односельчан. Часть засолим, часть высушим...

У Вэнь Жуна было множество идей по заготовке на зиму. Хотя здесь никто не умел делать квашеную капусту — и он сам тоже не умел! — но зато у семьи Ванов был большой погреб, где можно хранить свежие овощи. Трёхсот цзинь капусты, пожалуй, будет маловато.

Он как раз вместе с детьми составлял список зимних запасов, как вдруг у двери раздался громкий голос:

— Кто дома? Это я — ваша вторая тётушка (со стороны отца)!

Вэнь Жунь опешил:

— Вторая тётушка?

Реакция детей была мгновенной: на лицах появилось выражение ненависти, смешанное со страхом.

Вэнь Жунь сразу всё понял. Это та самая родственница, которая отправила Ван Цзюня на военную службу!

Эта «драгоценная» семья...

В обычное время они совершенно игнорировали четверых — ни разу не навестили, не спросили, как живут.

А в трудную минуту — пожалуйста! Подсунули племянника на верную смерть и оставили троих полувзрослых детей совсем одних. Если бы не Вэнь Жунь, как бы эти малыши выжили?

Гнев вспыхнул в нём. Он встал и вышел наружу.

Прямо у ворот он увидел тётушку Ян и тётушку Цуйхуа — они стояли, преграждая дорогу трём женщинам и не пуская их во двор.

Когда Вэнь Жунь вышел, женщина — лет сорока с небольшим — гордо выпятила подбородок. На ней было платье дымчато-серого цвета. Ткань Вэнь Жунь не узнал, но явно дороже, чем у жены старосты.

На одежде — ни одной заплатки!

Причёска у неё была аккуратной и даже красивой, в волосах — две серебряные шпильки, в ушах — крупные серёжки, на руках — пара серебряных браслетов. Всё это выглядело очень богато для деревни.

И она сама явно так считала: смотрела свысока, с нескрываемым презрением и надменностью.

Но как бы ни была она «богата», Вэнь Жуню она сразу не понравилась — даже вызвала отвращение.

Пусть тётушка Ян и одета проще, но он гораздо охотнее смотрел на неё!

Две другие женщины сильно отличались от этой «второй тётушки».

Одна была даже моложе тётушки Ян. Взглянув на дом Ванов, она окинула его оценивающим, почти насмешливым взглядом и презрительно скривила губы — явно не одобряла то, что видела.

А третья... та была и вовсе интересной!

<http://bllate.org/book/15642/1398033>